

Н. Г. Краснодембская, Е. С. Соболева

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОРТУГАЛЬСКОГО
ВЛИЯНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ГЕНДЕРНОЙ
СФЕРАХ ЖИЗНИ НАРОДОВ ЮЖНОЙ АЗИИ
(ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ)¹**

Португальцы были первыми, кто начал колониальные завоевания в регионе Южной Азии. Успех экспедиция Васко да Гамы в Индию в 1497–1498 гг. вдохновил их на дальнейшие усилия по укреплению своих торговых позиций в регионе Индийского океана. В начале XVI в. их первые корабли появились и у берегов о-ва Цейлон (ныне Шри Ланка). Для обретения передовых позиций в торговле этого региона мира они объявили жесткую конкуренцию царившим тогда в бассейне арабским купцам, не брезговали пиратством, создавали свои опорные пункты в важнейших областях сухопутных (прибрежных) территорий, строя там по договоренности с местными правителями свои крепости (Galle, Colombo, Mannar, Jaffna, Trincomalee, Batticaloa) и размещая гарнизоны.

Следующие волны европейской колонизации в регионе (британцев, голландцев, французов, датчан) приходятся на заметно более поздние сроки — уже начало XVII в. Этим новым завоевателям удалось не только потеснить, но даже практически изгнать португальцев из пределов Южной Азии. Наибольший успех выпал на долю Великобритании, чье колониальное господство продолжалось здесь до середины XX в. Да и с тех пор, со времени возвращения независимости местным государствам, прошло уже более полувека. А между тем следы «португальского присутствия» и влияния различного рода обнаруживаются в местной жизни достаточно явно и ярко не только исторически, но и в самой что ни на есть современности.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (раздел 3. «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре», проект 3.19 «Гендер, возраст и родство в контексте ритуала»).

Изучением этих явлений начали заниматься сравнительно недавно, поле для наблюдений широко, и мы пока тоже не претендуем на широкий охват предмета, но хотим поделиться некоторыми интересными наблюдениями. В основном сосредоточимся на примере Шри Ланки (бывший Цейлон).

Шри Ланка, как сложилось исторически, представляет собой издавна и в настоящее время полиэтничное государство. После сингалов, тамиллов и мавров значительную по численности и культурному влиянию особую этническую группу составляет метисное население: потомки от браков между европейскими колонизаторами Цейлона (так остров именовался в колониальную эпоху) и местными жителями (жительницами), а также потомки ввезенных португальцами африканских солдат и рабов (каффинов).

В принципе всех представителей этой группы можно было бы называть евразийцами, каковыми они по сути и являются. Однако и бытовая, и научная терминологическая традиция гораздо сложнее. Так, *евразийцами* чаще называют в Южной Азии только потомков англичан, за потомками голландцев больше закрепился термин *бюргеры*. Сложнее дело обстоит с потомками португальских пришельцев, самых ранних европейцев на острове.

В XVI в. португальские мужчины в Азии были солдатами, *casados* (букв. «женатые», т.е. семейные оседлые поселенцы) и католическими священниками. В 1580 г. иезуит отец Валиньяно писал уже о четырех категориях португальского населения: 1) рожденные в Европе, 2) рожденные в Индии, 3) *castiço* (потомок европейца и евразийки), 4) *mestiço* (потомок европейца и местной матери). Всех их он отличал от *туземцев*. Еще одним принятым термином для потомков португальцев был *топассы* (букв. «тот, кто знает два языка») [Boxer 1963: 62–63]. В Шри Ланке португальцы были даже наемниками на службе кандийского царя (т.е. доходили до центрального горного царства). Португальцы внедрили в Южной Азии римскую католическую церковь, португальский язык как лингва франка и язык управления, торговли и религии. На дочерях португальцев впоследствии женились голландские поселенцы острова. Картина метисации еще усложнялась.

В качестве колонизаторов португальцев скоро сменили голландцы, а потом и британцы, но потомки португальцев долгое время

составляли значительное число в общем населении. Так, в начале XIX в. на Цейлоне среди евразийцев было около 900 «голландских», но 5000 «португальских». Происхождение бюргеров определялось законностью брака, генеалогия фиксировалась по отцовской линии, несмотря на число прошедших поколений и на происхождение матери. Если брак не был узаконен, то происхождение определялось по материнской линии. Если же законным отцом был сингал или индеец, то право называться бюргером утрачивалось.

В XVII–XVIII вв. *португальцы* служили в резервной милиции-ополчении (*burgerij*), занимались мелкой торговлей и ремеслом. До сих пор их потомки зарабатывают на жизнь как плотники, кузнецы, портные, обувщики. При голландцах их называли общим термином *ambachtslieden* (т.е. «ремесленники»). Британцы позднее перевели этот термин как «механики» и использовали его в качестве этнического ярлыка. Впоследствии всех этих лиц смешанного происхождения в переписи включили в категорию *бюргеров*.

Португальский компонент прослеживается и в малой этнической группе Шри Ланки *кафринья*. Среди ее предков — вывезенные португальцами чернокожие жители Восточной Африки. Португальцы брали африканок в рабыни, наложницы и в жены. Так сложилось, что «португальских механиков» отличал более темный цвет кожи, особенно на фоне более светлых европеизированных потомков голландцев. За *португальскими бюргерами* признавался большой талант к музыке и танцу (а заодно к кутежу и ярким одеждам) [McGilvray 1982: 241–243].

Языком португальских бюргеров служил португальский *креоль*, или «варварский португальский». Благодаря своему языку и приверженности католической религии, португальские бюргеры и сохранили свою идентичность, особенно в Баттикалоа. До конца XIX в. креоль был разговорным языком даже среди голландских бюргеров. Он был лингва франка на протяжении почти 350 лет, пока его не вытеснил английский. Ныне этот язык знают бюргеры Баттикалоа и Тринкомали (около 100 семей), а также кафиры Путталама (северо-западная провинция) — потомки ввезенных британцами рабочих приняли португальскую культуру и религию (80 семей) [De Silva 2005: 22].

Среди широких слоев населения прибрежных районов до сих пор в ходу португальские песни, танцы и музыка.

Первым изучать португальский креоль Цейлона начал Э. Теза (E. Teza) в 1872 г., указывая, что «индо-португальский [язык] понимают на всем побережье». В конце XIX в. лингвисты и фольклористы (Sebastião Rodolfo Dalgado, Tavares de Mello, António da Silva Rego, Hugo Schuchardt, Adolfo Coelho, José Leite de Vasconcellos, Hugh Nevill и др.) обратились к изучению португальских корней культуры народов региона.

Все же отцом пиджин и креольской лингвистики считают Гуго Шухардта (Hugo Schuchardt) (1842–1927). Он преподавал в университетах Германии (Лейпциг, 1870–1873 гг., Галле, 1873–1876 гг.) и Австрии (Грац, 1876–1900 гг.). В университете Граца хранится его коллекция рукописей. Хотя он сам мало путешествовал, но собирал материалы по лингвистике из переписки со своими корреспондентами — этнологами, лингвистами, колониальными чиновниками, миссионерами, дипломатами, военными, путешественниками, журналистами. Г. Шухардт написал более 10 тысяч писем на лингвистические темы. Он опубликовал 770 статей на немецком, французском, латинском, венгерском языках. Его главные труды — о португальских креолях в Западной Африке, Португальской Индии, на о-ве Ява (Батавия). Он получил тексты на португальском креоле Цейлона (36 и 20 четверостиший соответственно).

1049 четверостиший на креоле бюргеров и кафриння записал Хью Невилл (Hugh Nevill, 1847–1897), работавший на острове с 1869 г. секретарем верховного судьи Цейлона, а затем судьей округа Баттикалоа (District Judge of Batticaloa).

A. da Silva Rego, Kenneth David Jackson, Shihan de Silva Jayasuriya и другие исследователи вводят в научный оборот многие материалы этих ученых, а также манускрипты из архивов и библиотек Шри Ланки, Великобритании и др. Текст приводится на креоле, по возможности дается перевод на стандартный португальский язык и на английский. Это позволяет коррелировать и корректировать тексты из разных районов Азии.

В настоящее время потомки португальцев (по религии они обычно по-прежнему католики) чаще всего говорят на сингальском языке (некоторые изучают английский в школе), но память о старом родном наречии все еще живет. Прежде всего через сохранение своего фольклора. На домашних праздниках, свадьбах поют португальские

песни, исполняют особые танцы (при этом употребляют алкоголь, что противоречит обычаям основного населения страны, включая сингалов, тамиллов и мавров). Так, после церковного обряда молодожены идут в дом невесты, сидят за столом и смотрят, как вокруг них поют и танцуют гости. Исполняют португальскую музыку и танцы также на общих встречах различного характера [Roberts et al. 1989: 134].

Исторически сложилось несколько оригинальных форм португальского музыкального исполнительского искусства Шри Ланки: *chicote*, *kafrinha*, *baila*. *Baila* — это **наиболее общий термин для особых музыкальных форм португальских общин. Название происходит от глагола *bailar* («танцевать»)**. Сцены исполнения байла были запечатлены в XIX в. на фресках буддийского храма Пурварама ви-хара, расположенного в Каталуве (близ Галле, южная провинция).

Надо сказать, что в некоторых местах баллады и мелодии сохраняются с XVI в., тексты их (*cantigas*) запечатлены на креоле. Куплет состоит из четырех строк, отличается особым ритмом, вторая и четвертая строки рифмуются [De Silva 1999: 55]. **По содержанию креольские кантисги обычно передают веселье, музыку, танец, энергию, беззаботное наслаждение жизнью.** Любопытно отметить, что в этих ланкийских креольских стихах имеется синтаксическое и лексическое влияние сингальского и тамильского языков (тогда как в Индии соответственно малаялам, маратхи, конкани, гуджарати). Это свидетельствует об активном взаимодействии португальского с местными языками. Так, знаменитый лингвист Себастьян Родолфу Далгадо (1855–1922), гоанец по происхождению, утверждал, что португальский диалект Цейлона имел очень широкое распространение среди сингалов [Dalgado 1936: 1]. Это подтверждается и тем фактом, что голландские и английские миссии даже в XVIII в. публиковали свои тексты на темы религии, торговли, управления на местном португальском языке (например, Wesleyan Mission Press в британский период).

Среди креольских непортугальских слов выделяются сингалотамильское *conde* ‘низкий узел волос на затылке’ или просто ‘волосы’; малаяльское *mainato* ‘стиральщик’, а также голландское *venkel* ‘мастерская’, английское по происхождению *Sin* (< *Saint* ‘Святой’). В то же время сингалы заимствовали у португальцев слова *nona*

‘дама, госпожа’; *horava* ‘час’; *kussiya* ‘кухня’. С.Р. Далгадо, который вел активную миссионерскую работу в Южной Азии (в том числе был генеральным викарием Цейлона), имел все основания утверждать, что ланкийский португальский креоль оказался самым жизнеспособным.

По общему смыслу кантиги распределяются на несколько групп. В этом отношении любопытна анонимная публикация португальских текстов из Матары (близ Галле) *Cantigas ne o lingua de Portuguez, Impressado ne Matre, 23 de Juni 1914, Sridhara Press*, которая состоит из 100 кантиг.

К. Джексон тематически разделил цейлонские кантиги на 10 групп: 1) собственно песни для танца и пения; 2) песни о мореплавании и путешествии; 3) о принадлежности к определенному классу, социальному разряду, национальности; 4) песни сатирического характера, с социальной критикой; 5) афоризмы и нравоучения; 6) песни о любви и природе; 7) песни о предательстве и отказе в любви; 8) песни об ухаживании, сватовстве и брачном предложении; 9) об обручальном кольце и браке; 10) о верности [Jackson 1991: 619].

Этот сборник и другие — своего рода свод евразийских обычаев и креольских литературных традиций, своеобразная текстовая система, которая содержит информацию обо всех сторонах жизни общины португальских бюргеров. Примечательно, что тексты кантиг, записанных у португальских общин Шри Ланки, Индии, Малакки, Сингапура, очень близки по смыслу, а иногда совпадают.

Приведем некоторые примеры, без особой строгости в отношении привязки приведенных образцов к названным «разделам» (которые, конечно же, выделены публикаторами достаточно условно [Jackson 1991; De Silva 1999]).

Держи высоко юбку, дама, покажи свои таланты, я подарю тебе подарок, дама, если спляшешь хорошо; Я бывал повсюду, от Цейлона до Японии, но ничего не привозил, кроме верного сердца; Если ты меня хочешь, дама, я возьму тебя в свою страну, моё тело станет лодкой, мои руки — парусом; Я пел и пел, любовь, не могу петь больше, в горле пересохло, дай поесть ананаса; Я поеду в Бенгалию, дама, верхом на гекконе, привезу невесту, дама, хорошую

красотку; Я пришел в твой дом, дама, мне не предлагают стула, а я не низкокастовый, дама, чтобы сидеть на циновке; Земля в Тринкомали и высокая, и низкая, а все, кто там живет, из низкой касты; В жизни, любовь моя, я столько прошел, был мойщиком, даже стирал белье; Любимая говорила: она моя до смерти, а увидела нищету — вскочила и убежала; Какую вкусную еду, дама, ты для меня сберегла, жареный кайкарас, дама, с черной патокой; Современным девушкам, дама, доверять нельзя, пока они не придут в церковь, пока падре не проведет свадебный обряд; Если хочешь замуж, дама, выходи за кузнеца, если он кует железо, дама, [будет] мешок денег; Какую прекрасную вещь, дочь, я для тебя сберег, прялку из Малакки, дочь, со смотанной ниткой; Что я могу сделать, дама, судьба наша печальна, будем жаловаться небесам, дама, до нашей смерти; Чтобы взглянуть на тебя, я иду мимо твоего огорода, шипы колют ноги, кровь капает; Живя любовью, подвергаясь соблазнам, я оставил церковь, утратил набожность; Кто пьет вино, дама, потеряет себя, лицо распухнет, глаза станут кривыми, перекошенными; Я не хочу спать, дама, и не хочу есть, я всегда помню, дама, имя моей любви.

Даже по этой небольшой подборке текстов можно судить, как богато содержательное разнообразие текстов кантиг (заслуживающих, безусловно, специального рассмотрения), в них отражены многие стороны жизни цейлонских португальцев, их особый опыт знакомства с особенностями местной культуры, стремление сохранить «родные» ценности (к которым примешиваются, увы, и «родные», и «привнесенные» пороки, например алкоголизм), хотя бы часть из уклада бывшей европейской жизни. И еще многое другое присутствует в этих песенках и ждет своего анализа. В целом же жанр этих песенок, как видим, преимущественно лирический, а основная тематика — любовная.

Музыкальные инструменты, которыми сопровождаются пение и танцы, это *bandeirinha* (струнный инструмент типа банджо) или укулеле, *rabana* (барабан, который держат в руках), *ferrinhos* (треугольник), *violin/viaule* (тринадцатиструнный инструмент).

Португальские бюргеры сохранили традиции семейного музицирования по вечерам. Одним из вариантов этого искусства является

«парагвайская байла», особенно популярный ныне жанр в диаспорах ланкийских бюргеров. Это уже чисто инструментальная музыка, без пения, сопровождающая танец, отличающаяся особой техникой игры на гитаре. Возможно, эту технику привезли в Коломбо в начале XX в. моряки, прибывавшие из Южной Америки [Donaldson].

Музыкальные формы *kafrinha* и *chicote* демонстрируют восточноафриканское влияние [De Silva 2005: 29]. Британские авторы XIX в. описывали *шукоте* (от порт. «кнут») как «медленную и величественную» музыку, а *кафринья* — как «более быструю и неистовую», с «особыми судорожными движениями».

В местном креольском фольклоре также сохранились следы традиций народного и религиозного португальского театра, средневековые народные рассказы о рыцарях эпохи португальской экспансии и пр.

В последние годы проявляется немалое внимание к местному метисному фольклору. Так, Союз голландских бюргеров в Шри Ланке уже выпустил два CD с музыкой «Бюргер». Также есть записи музыки кафринья, байла, кафров Путталама. Выпускаются диски смешанных групп.

Фактически это культурное наследие вошло в общую копилку ланкийских традиций. Под влиянием португальской музыки у сингалов (основного ланкийского населения) возник собственный песенный жанр — *байла*, нечто вроде городского романса, основанный на португальских танцевально-песенных ритмах, с широким спектром тем, среди которых преобладает любовная тема, но также описывается природа, смена климатических сезонов, трогательные истории, нежные чувства (в том числе к детям).

Байла сингалов сочиняются уже на сингальском языке. Есть наиболее прославленные исполнители этого жанра, чьи имена пользуются популярностью по всему острову. Песни эти звучат на радио и телевидении, издаются для продажи на дисках (ранее — на кассетах).

В то же время и собственно португальский песенный фольклор (кантиги) принят и живет в сингальской среде, как правило, эти игровые песенки исполняют дети и молодежь. И обычно поют их, слегка пританцовывая в соответствии со стилем песенок.

Следует отметить, что традиционная система воспитания детей у сингалов в целом суховата (в частности, из-за влияния пуристиче-

ских норм протестантов и других религиозных школ европейских колонизаторов, господствовавших на острове долгое время). Дети мало играют, в основном подражают делам взрослых или участвуют в них. В сингальской среде не приняты и ухаживания европейского типа, да и браки здесь в основном сватанные, по сговору родителей (к тому же допустимы кросскузенные союзы). Поэтому стилистика португальского фольклора с его жизнелюбивым настроем и открытой любовной тематикой всегда остается «свежей» и привлекательной для ланкийской молодежи.

Нота игривости, вносимая этим особым фольклором, не только разнообразит жизнь детей и юношества, но даже играет некоторую магическую роль. Поскольку этот фольклор перекликается с определенными видами сингальского музыкального фольклора и прежде всего с сингальскими игровыми качельными песнями, имеющими сексуально-магический, ритуальный подтекст (собственно говоря, это одна из немногих собственно сингальских форм для открытого выражения любовной заинтересованности между юными представителями разных полов).

В то же время в восприятии коренного населения до сих пор остается ощущение экзотичности, «заграничности» креольского португальского фольклора. Можно сказать: в каком-то смысле португальское до сих пор остается символом «чужой», т.е. европейской, культуры, освоение которой в регионе Южной Азии продолжается и в наши дни.

В этом отношении показателен один индийский пример, тоже сопряженный с феноменом песенно-танцевального искусства, явно, на наш взгляд, связанного происхождением с местной португальской креольской культурой. Мы имеем в виду творчество известного танцора и постановщика Болливуда Санни Сингха, который вместе со своим братом Сурешем (тоже танцор и певец) создал, в частности, оригинальное шоу под названием *Bailamos Bollywood* («Танцуем Болливуд», все от того же глагола *bailar*). При его постановке он сотрудничал с испанскими продюсерами. Как говорит реклама, постановка эта имела грандиозный успех в театре «Аррига» в Бильбао, в самой Индии, а также в Мадриде, Марокко, Франции, Мексике, США и многих других странах мира. Причем в той же рекламе утверждалось, что шоу Санни Сингха принесло в Европу

«дух подлинно индийского танца и песни», и в этом утверждении тоже нет никакой ошибки.

Мы обратились к теме, которая разработана все еще явно недостаточно, и коснулись только некоторых ее аспектов. В наше время сближения мировых культур такая тема весьма актуальна, а углубленное ее рассмотрение покажет нам сами истоки и формы этого глобального процесса.

Библиография

Boxer C.R. Race relations in the Portuguese colonial empire, 1415–1825. Oxford, 1963.

Dalgado S.R. Dialecto indo-português de Ceilão. Lisboa: Imprensa Nacional, 1990.

De Silva J.S. “On the Indo-Portuguese of Ceylon”: A Translation of a Hugo Schuchardt Manuscript // Portuguese Studies. 1999. Vol. 15. P. 52–69.

De Silva J.S. The Portuguese identity of the Afro-Sri Lankans // Lusotopie. 2005. Vol. 12. No. 1–2. P. 21–32.

Donaldson T. Stepping back in time with Baila. <www.sundaytimes.lk/060416/plus/1.html>.

Jackson K.D. Sing Without Shame. Oral Traditions in Indo-Portuguese Creole Verse. Amsterdam and Macau: John Benjamins and the Instituto Cultural de Macau, 1990.

Jackson K.D. Indo-Portuguese *Cantigas*: Oral Traditions in Ceylon Portuguese Verse // Hispania. 1991. Vol. 74. No. 3. P. 619–626.

McGilvray D.B. Dutch Burghers and Portuguese Mechanics: Eurasian Ethnicity in Sri Lanka // Comparative Studies in Society and History. 1982. Vol. 24. No. 2. P. 236–263.

Roberts M., Ismeth R., Colin-Thomé P. People Inbetween: The Burghers and the Middle Class in the Transformations within Sri Lanka 1790s–1960s. Vol. 1. Ratmalana: Sarvadaya, 1989.